ВИКТОР МАМЧЕНКО

ВОСПИТАНИЕ СЕРДЦА

ПАРИЖ

EDITEUR G. GERELL

Дорогому другу

зарубежных русских писателей

Михаилу Семеновичу

Каплану

искренне от автора

Виктор Мамченко

Париж 1964 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Тяжелые птицы (изд. 1936 г., Париж).

Звезды в аду (изд. 1946 г., Париж).

В потоке света (изд. 1949 г., Париж).

Земля и лира (изд. 1951 г., Париж).

Певчий час (изд. 1957 г., Париж).

ВИКТОР МАМЧЕНКО

ВОСПИТАНИЕ СЕРДЦА

ПАРИЖ

EDITEUR G. GERELL

Какой Проспект? Иль это Невский
По всей земле,
И правды ищет Достоевский
В морозной мгле?

Вот красота — спасенье миру
Во всех веках —
Эпилептическую лиру
Несет в руках.

Ах красота! — Ведь это важно,
Душа болит!
А Федор Карамазов страшно
Над ней стоит.

Стоит и смотрит: что же делать,
Коль красота? —
И душу жжет, и жаждет тела
Пунцовость рта!

Ах, красота, какой любовью
Тебя любить,
Чтоб знать тебя своею болью
И не убить.

ЭМИГРАНТКА

Бездомной музе трудно быть слугой, —
Для всех в толпе не хочет быть покорной,
И дураку со сна — потехой вздорной
И называть его «мой дорогой».

И я — как раб в беде — с ее бедой!
Но муза все же Золушкой проворной
Спешит умыться лунною водой,
Поет и спорит рифмою упорной.

Не золото, не бархат, не карета, —
Не сказочно (пусть Золушкой одета):
Угрюмый черт зевнет, чтоб смять ее
И бросить где-нибудь в своем чулане,
Чтоб умерла она очами лани,
В руках сжимая звездное белье.

П О Э З И Я

Ты когда-то для меня
Ясной вечности касалась,
Всеми звездами звеня.

Но в одежде золотой
Ты печальною казалась —
Вот как солнце над водой.

Неотступная мечта
Чудной Золушкой хлопочет,
Заклинаньем занята —

Чтоб ты радостью была,
И такой — как счастье. Хочет!
Чтоб исполнилось — звала,

И страдая, и любя,
И ревнуя, потому что
Нет прекраснее тебя.

Для тебя и боль и смех
Бьются в сердце неразлучно —
И тобою ради всех.

Для тебя — и смерть красна!
Ради глаз твоей свободы
Ночи темные без сна.

Без тепла твоих очей
Человек и дни и годы —
Будто мертвый и ничей.

ИЗДАТЕЛЮ

Вот машет муза тоненькою книжкой, —
Смела в типографической броне! —
С тревожной радостью спешит, и вспышкой
В кабацком отражается окне.

А в кабаке — там пьют, едят, зевают
И смотрят в мутное свое окно;
Картежники — те в дурака играют,
Чтоб всем на свете было все равно.

Дела у музы юностью согреты:
Математический пленяя ум,
Послала в небо звездные ракеты,
Летят они и с ними — славы шум.

Тоническому гению послушны,
Летят ракеты с техникой своей,
В своей поэзии они воздушны,
Как звездные полеты лебедей.

Никак кабацкой пошлости не хочет
Земная муза, — вечностью больна! —
Не потому ли властно так хлопочет,
Что жить она без счастья не вольна.

Памяти В. Н. Буниной

Два часа ночи,
мне не спится,
приснились птичьи очи
и спица —
которой спицей выжгли очи,
чтоб в клетке пела,
о себе не зная,
и не улетела
птица лесная.
Рядом с клеткой —
девочка пела,
красоты редкой,
бледнее мела.
Девочка — как птица — пела,
птица — как человек — молчала,
и не летела,
и не кричала, —
на меня смотрела.
А на дворе — весна.
А я — как во сне без сна.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Откуда вы летите, птицы,
Такой веселою толпой,
Кружась над прелестью столицы
Как над цветущею травой,
И так доверчиво взлетая
В свою земную высоту?..
И твердь звенит, как золотая,
В потоке света, на лету.

Когда бы мог и я без страха
Природной дикости отдать
Мое бессмертие из праха,
Мое умение страдать.

ДЕНЬ ИСТОРИИ

Проходит день.
И этот день уйдет.
Не удержать и звездными руками.
Уйдет он прочь.
За дальними веками
вскипит
как брага он,
как вешний мед.
Хмельные пасынки веков,
как мы,
раскроют сердце юности,
как смогут.
Нас воскресившие,
они не дрогнут,
чтоб распахать
надгробные
холмы.
Бог в помощь им,
как говорили древле, —

пусть будет так!
И будет без беды:
они
и Елисейские сады! —
чего же больше нам,
когда не дремлем.
Мы прожили вчерашнее
для завтра,
а завтра —
это вечность
впереди...
Мой друг,
любовь,
ты в завтра
не гляди,
как некогда в тебя
глядела
Спарта.

НА СЛЕДУ

На небе стынет ночь, а здесь светло от снега;
И тишина в снегу — как сон девичьих лет;
Стремительно ведет от мирного ночлега
Лесной тропинкою еще горячий след.

Какой наградою — и доброй или злою —
Влеком был путник в даль чернеющих стволов,
Кружилась ли душа над ледяной золою
Иль сильных рук ее счастливый был улов.

Плетется в искрах путь. Жемчужиною снежной
Увенчан образ твой, чудесный человек!
Твоя земля звучит симфонией безбрежной —
Тобой звучит она, трагичная вовек.

ЛЮТЕЦИЯ

Здесь редок снег, здесь только зимний холод,
Здесь снег бранят и грязью и чумой,
И парижанину подснежный город
Давно не мил, и он спешит домой.

Люблю я снег полночною зимою
В латинских улицах и тупиках,
Когда века в снегу идут со мною,
Спешат со снежной музой на руках.

И тишина звучит тревожным боем
Курантов, вдруг очнувшихся в снегу...
Мечта со мной, нам весело обоим,
Молчит она, молчать я не могу;

И вот шепчу я (с русским удареньем!)
Слова чужие страсти и любви, —
Французским меряю стихотвореньем
Печаль и радость русские в крови.

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД

Все те же мерцают деревья,
Все те же дорожки. По саду
Садовник разносит рассаду —
Огромные годы мгновенья.

Еще ворота не закрыты.
Свистком сторожа не тревожат.
А все же друзья позабыты,
Их нет здесь, и быть их не может;

Ушли вслед поспешному «было»,
Оставили общее дело,
Как будто под ношей изныло
Их теплое легкое тело.

И был я когда-то любимым.
Каштаны цветут на том круге.
Вот машет крылом голубиным
Романтика — в память о друге.

МЕДОН

Над землей осенней, милой,
Гуси дикие кричат,
Разогнали летной силой
Сновидений черный чад.

Крик их горд, живой тревогой
Предрассветный час притих:
Видно, русскою дорогой
Прилетела стая их.

Это краткое круженье
Птиц свободных в небесах
Было свет и пробужденье
В неожиданных слезах.

ВИТРИНА ПАРОХОДНОЙ КОМПАНИИ

На Черном море, далеко,
Омытый пенными волнами,
Корабль, под дымом и парами,
Идет спокойно и легко.

И золотом мерцает день,
Он счастлив солнцем и цветами,
Летит солеными ветрами
До провансальских деревень.

Счастливый день, счастливый путь —
Вам, люди, поднятые светом,
Пусть не коснется темным бредом
Вас в море северная муть!

В Париже зимний день в дыму,
Но кажется, что это — сети,
В них бьются люди: люди эти
Не верят страстному уму.

Они не видят вашу даль,
Они в заботах — как в тенетах,
Не разбираются в поэтах,
Им и самих себя не жаль.

Ах, винтики от рычагов!
Но музыка, как Палестрина,
Как эта жаркая витрина, —
Не уступает ничего.

ГОСТЬЯ

Бутон багровой розы
Из сада моего
Вплела как счастье в косы
И унесла его.
И пусть его уносит
Прохожая весна,
Пусть имени не спросит,
Она и так грустна!
Она и так волнует,
Как тихий свет струю,
И звездами бунтует
У сердца на краю.
Пусть проплывает мимо
Волнение мое,
Оно неутолимо,
И звездно бытие!

НА ВОКЗАЛЕ

Последний знак, и вот скользят огни,
А в сумраке — твои глаза одни;
Тяжелый поезд медлит все, пока
В прощанье бьется жаркая рука.

Уйдет он прочь под арками мостов,
Но — звездный путь ему, счастливых снов!
И дней — с утра — цветущею землей,
Людей ему — веселою семьей!

Шумит в огнях Париж ночной, глухой...
Ну что, дитя, уехал милый твой;
Чего ж ты ждешь, и плачешь, как во сне,
И сон — не твой, не в розовой весне;

Должно быть, поезда нещадный стук
Об сердце бьется, сердце из-под рук
Летит за ним, летит как счастье дней, —
Подстреленным полетом лебедей.

Скажу тебе о днях. Пройдут они.
У жизни будут дни — другие дни.
Не может быть, чтоб в сердце навсегда
Жила, была горючая беда.

АКВАРЕЛЬ

Тяжелый дом, а дальше — холмы, горы;
Прованса день уходит в дальний свет;
Прохладе солнечной раздвинул шторы
Привычный жест, как было сотни лет.

К приходу вечера девичьи зовы
Спешат сказать — и чем душа полна;
Повторные слова взволнованны и новы,
Как в море миллиардная волна.

Старушка черная под черной шляпой
Сидит и спит у солнечной стены,
И ловит тень котенок мягкой лапой —
Кривую тень старушечьей спины.

Старушка спит, ей снится в кухне лужа
Когда-то пролитого молока,
Письмо с войны (тогда живого) мужа,
Иль гнев его и темная рука.

А может быть, теперь, в минуты эти,
Легчайший сон летит по городам —
Куда ушли ее большие дети,
Ступая прочь по сердцу и годам.

Идут быки с рожном большим на выях,
Их очи — тихие, а вечер — вот уже
Об землю бьется на прохладных крыльях
В огнях зари, на звездном рубеже.

СЕНОКОС

От тяжести на сердце нет следа:
Цветы и травы скошены как надо,
Прошел по лугу жаркий день труда,
За ним идет вечерняя прохлада
Воздушною высокою волной,
Небес касаясь светлой тишиной.

Ступает конь, подковой чуть звеня
По узкой тропке, — першерон тяжелый, —
И деревенский всадник на меня
Глядит, как если б я был голый,
А он — как рыцарь в царственной броне
С конем своим, и в сказочной стране.

Сейчас, сейчас вдруг брызнут звезды все,
Сольются в глубине потоком млечным
И драгоценностью в ночной росе
Падут к корням, движеньем вечно встречным,
Чтоб завтра деве рано на заре
Косарь приснился, — рыцарь на дворе.

АНТИБСКИЙ ПОРТ

Для себя мы счастье ищем,
Но случайны в том добре,
И в свободе ветром свищем,
Вьюжным ветром в декабре.

Зачарованным собою —
Что с любовью делать нам!
Иль с подругами, с любою,
Волочиться по годам —

Вот с такою, вот как эта —
В пьяном кабаке стоит, —
Тоже вечностью согрета,
Тоже как любовь болит;

Заклинает, и не словом —
По-цыгански, как во сне,
Как пред девственным престолом, —
Будто в звездах и росе.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Вечернее прохлады дуновенье.
Спокойной ночи, знойная земля!
Пусть легкое, как Млечный Путь, забвенье
Летит с тобою, звездами пыля.

Пусть встретятся небесною дорогой
Тебе тобою званные века;
Чтобы тебя счастливою тревогой
Коснулась утра тихая рука.

За взмахом взмах, как сердце в сильном теле,
Маячный луч над темнотой и злом
По морю бьется, будто в самом деле
Спешит сквозь ночь сверкающим веслом.

И тишина! Ведь тихо так, что слышно
Дыхание смолы в сосновой мгле;
Высокий свет глядит очами Вишну,
Как детский бог склоняется к земле.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ночных сверчков опять с цикадами не путай:
Цикады ночью спят, им ночью — все равно,
А в сердце, может быть, как в пропаде темно
И кажется земля тяжелой мертвой грудой.

Живут цикады днем. Растопленной смолою
Горячий сосен сок пьянит до песен их;
Не надо им тогда веселых глаз твоих,
Не надо слез твоих, ночей со звездной мглою.

Они живут в раю. Им нас совсем не надо.
И нам они — к чему? Представь себе, что вдруг
Земля горит, беда, что все — как ад вокруг,
А мы с тобою райского вкушаем сада.

CHAMP DE MARS

Откуда у тебя, дитя,
жестокость взгляда?
Как ночь глядишь,
как ночь в лесу,
как ночь зверей...
А солнцу — что? —
весна! —
из твоего наряда
оно влечет тебя —
на брань бы поскорей!
Цветущий сад в столице.
Утро.
Вся в тревоге,
как птица вдруг к гнезду,
к тебе склонилась мать,
чтоб потонуть
в глазах твоих,
как в древнем боге,
когда в любви
всем смертным
надо умирать.

ВСТРЕЧА ПРИ ЛУНЕ

Среди домов, по улице прямой,
В ночи спеша, и, может быть, домой,
Плывет калека в лунном далеке,
Пустой штаниной машет налегке.
Движенья четкие — одной ногой,
Как если б был с рожденья без другой.
О если б этот страшный человек
Безногим был — чтоб не было калек!
Но он пошел, конечно, на войну,
В руке зажав и совесть и вину
Винтовкою, тяжелой, как нога,
Которую оставил у врага.
И враг его, такой же, как и он,
За дымный Рур иль шелковый Лион,
Не зная сам куда, стрелял, бежал,

И долго, мертвый, под дождем лежал...
Ночная улица светла, тиха,
А лунный диск — как не было греха.
Но ты, калека, что же ты молчишь,
Идешь-плывешь и страшно не кричишь,
Что вот опять над денежной горой
Банкир грозит военною игрой.

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ

И ночь была,
        и звезд предсветный знак,
и лебеди летели
        и трубили,
на все смотрел я,
        но не видел — как
убийцы
        человека
                вдруг
                        убили.
Когда узнал,
        рассвет мне на земле
повторным показался
        тем рассветам,
когда о правде
        грезили в семье,
когда расстрел
        наутро
                был ответом.

Настойчивая память иногда
сжимает время,
время — неподвижно...
Я помню,
да:
военная беда
людей сжигает,
вот кричат,
вот слышно —
вот слышен в темноте
предсветный шаг
облавы на людей,
которым нужны
свобода,
равенство
и где душа
с другой душой живет,
и души
дружны!
Но для беды
так быть
никак нельзя:
среди людей,
среди их трудной дружбы,
глупейшей провокацией скользя,
все та же мерзость
в мире
ищет
службы.
Она — вот здесь,

она — и там опять
свое сует,
канальья,
первородство, —
откормленная девка,
чтоб «гулять»,
чтоб сжечь и юность
проклятым уродством...
Убили человека.
Средь врагов
с гвоздикою стоял,
с улыбкой!
И дрогнул мир
аттических богов:
всплеснуло
сердце
Золотою
Рыбкой.

НЕРАВЕНСТВО

— С тобой мы умные, пусть дурачки
Наивно верят в равенство и братство! —
Сказал прохвост, мигая сквозь очки
Туманом глаз и жадностью богатства.
Сказал и ждет, что вот и я скажу
По-умному, с улыбкою Пилата,
Что де, увы, неравенства межу
Природа сохранит, и не богата
Она талантами, как я и ты, —
Ведь ты да я...
Но в этот час вечерний,
Вся светлая, из облачной гряды
Звезда взошла, невидимая черни;
Звезда сказала девичьим лицом:
Ни равенства
ни братства
с подлецом.

А. М. Ремизову

— ...так будете? — Приду, приду, конечно.
— За баккара вам рады все сердечно!
— Иван Иванович, на бирже чайной
Такой был бум вчера, такой урон!.. —
Беседу пошлости подслушал я случайно
На кладбище во время похорон.

И я смолчал. Да что сказать такому
Нелепому движению сердец...
А бес шептал: «Такому иль иному
Движению, но будет все ж конец».
И долго слышал я, уйдя от всех,
Старухи крашеной недобрый смех.

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

По четвергам у нас воют сирены.
Так было тогда
(лет двадцать тому),
когда
средь сожженной
цветущей сирени
умирали дети
в огне
и дыму.
Проклятые звери
выли
и выли,
мирных людей терзали,
губили...
Для чего же воют сирены теперь,
пусть не в пожарах
и раз лишь в неделю?
Дети толкуют:
«Проголодался зверь»...

И я им верю,
невольно верю:
«Малая кровь» Азиатов иль Негров
не поит до отвала
и зверя тревожит,
вот и воет он
на перекрестке ветров —
чтоб океаны крови, —
он может!
Порой завыванье его такое,
что
кажется,
ему все
не в моготу:
если нельзя ему
в кровавом вое —
весь мир пусть погибнет
в смертельном
поту...
А мирные руки
беды не хотят;
им бы —
чтоб в смерти
ничто не бредило:
они жалеют
и слепых котят,
как же им —
чтоб Человека
не было?!
Мильонным согласьем

туже
и туже
сплетаются руки:
зверь им не нужен!
Потому-то и воет дикий зверь,
кутаясь злобно пещерной метелью, —
ведь он
не может иначе
теперь, —
впустую
воет
однажды
в неделю.

ЛОЖЬ

Диким пропадом морочит
Сонмы ночи, стаи дней,
Чтоб случилось все, как хочет, —
Все покорно было б ей.

Что же разум, — иль тревогой
Опьянен он сгоряча?
Или путнику дорогой
Он — не солнце, а свеча?

Задувает черным ветром
Мою жаркую свечу;
Задыхаюсь в ветре этом,
Окрест людям я кричу:
Человек я,
　　　　а не витязь,
Кто в дороге —
　　　　отзовитесь!

ДРУЗЬЯ

Откуда сон пришел ко мне такой —
В бессонности парижского гуденья! —
Черты развеянного прочь виденья
Слились вдруг вновь, и доброю рукой
Ведом я был среди высоких трав
Степи курганной, сердцем отпылав.

И той степи как будто нет конца,
И взлетным воздухом мерцают звуки;
Здесь тетивой звенели жарко луки
В полдневный зной, у древнего Донца,
Чтоб пахарь сеял мирное зерно,
Чтоб жизнь текла как пенное вино.

Увидел дом — как бы громаду скал,
Переплетенную садами и цветами,
Овеянную синими ветрами,
И кто-то издали знакомо звал
Как гостя жданного, чтоб в дом вошел,
И дом тот был огромно не тяжел.

А я, как проклятый, бездомный весь,
Но тоже весь взволнованный сознаньем,
Что вот в необычайном полдне раннем
Встречает Родина, — Россия здесь! —
Что может в дом войти лишь верный друг,
Как все друзья, живущие вокруг.

Сказал я Родине: Привет Тебе,
Пришел к Тебе я страшными путями;
В пути узнал я: с трудными гостями
Ты любишь спорить о лихой судьбе;
Но что в Тебе и чем жива душа
Узнал в Париже я, едва дыша.

И в дом вошел, — как крыльями влеком: —
Ничто не чуждо, но чудесно ново,
Как речь родная, где любовно слово;
И юными друзьями, как венком,
Я окружен был... Но уже мерцал
Рассвет; железами Париж бряцал.

РОДИНА

...смотрю в Тебя! О, как чудесны дали
В глазах Твоих от этого огня,
И как они от ноши не устали —
Глаза Твои, — от мира и меня!

Летит широко сердце голубое
В таких знакомых близких небесах,
Что кажется — желание любое
Отмерено на солнечных весах.

И красота Твоя не обманула:
В крови, в дыму, средь боли и борьбы
Ты огненно в себе на серп согнула
Тяжелый меч убийственной судьбы.

Ты кажешься суровой и холодной
Для недругов Твоей любви большой...
Да будет так, и будешь Ты свободной
С моей к Тебе прикованной душой.

СНЕЖНАЯ БЕССОННИЦА

Будто море шумит за окном, за стеной,
Будто сыплются звезды на мачты и реи
И, приподнятый жаркой волною земной,
Близко слышится голос поющей Миреи;

Только слов разобрать я никак не могу.
Ну о чем так поет она? — Будто любима...
Предо мной за окном в полунощном снегу
Стала ночь, и стоит, не идет она мимо.

Очарованный ею, ей в очи гляжу, —
И откуда такие огромные звезды!
Сеет звезды луна на морскую межу —
Вдоль Прованса — на версты, прощальные версты.

НИЦЦА

Будто вечность в мимолетных днях —
Так тебя я вижу на камнях;
С птицей белой тихо над тобой
Проплывает воздух голубой;
И мерцает солнце на волнах —
Золотом и на твоих ногах;
Будто радость и печаль как свет —
После нас — на миллиарды лет;
Помню я тебя тогда такой —
В музыке трагический покой;
И склонялась к вечеру земля,
Счастье травное себе стеля.

ОНА

Светом солнечным пьянели
Золотистые глаза,
Неподвижны были ели
И морская полоса,
И цикады жарко пели.

Слов чудесных я не помню —
Не они сомкнули круг, —
Я глаза сияньем помню,
И таким волненьем вдруг,
Что закрыли солнце к полдню.

Помню тоже: сердце билось
Под рукою об белье,
А потом оно открылось
Грудью темною ее, —
Будто так оно приснилось.

А потом прикрыла очи,
И была она тиха,
Как звезда июльской ночи, —
Вся в печали без греха,
Тишины любовной кротче.

Вновь шумели в знойной лени
Море, сосны и земля,
И вязало время тени,
Будто Парка, оголя
Ее детские колени.

МИСТРАЛЬ

Взлетели в небо тополи,
Ладошками звеня,
Себя сверканьем облили
Для ветреного дня.

И мечутся, и кружатся
От моря до холмов —
Вдоль речки, что как лужица,
Меж розовых домов.

А в небе снежным крестиком
Морская птица вдруг:
Высоким буревестником
Очерчивает круг.

И темно-синим пропадом,
На волны опершись,
Взлетает море с рокотом
На каменную высь.

От жгучего сияния
Спасенья нет нигде,
И к буре вскинул длани я,
Как жаждущий к воде.

Дышу легко и счастливо
Под солнечной грозой:
Будь, солнце! Я ведь часть его,
Пусть — тонкою лозой.

ТУНИС В ЗВЕЗДАХ

Уснувший порт, гитара в темноте
Все итальянские мотивы вторит;
А Млечный Путь в безмерной высоте,
Срываясь звездами, над морем спорит —
Что глуше в легкой тишине,
Что глубже в полной вышине.

Ночное Тютчева не знать нельзя.
Нельзя не жить Арагвенной печалью —
«На холмах Грузии». И вот, скользя,
Пришла печаль, и шелковою шалью
Сжимает туго сердце и плечо,
Которому от сердца горячо.

Распяты в небе реи кораблей,
Высоко подняты морские тени;
А юнга все поет про журавлей,
Распластанных в волнах морской кипени,
О том, что дева, будто сгоряча,
В любви сгорела тихо, как свеча.

О сколько звезд над Африкой твоей!
Их может быть на Черноморье столько —
В тиши, в ночи, средь жатвенных полей,
В сверканье росном, где колосья стойко
Так бурно в грозах вынесли свой рост,
Где зведный всплеск божественен и прост.

Теплом согрет, еще теченьем дня
Так щедро пролитым в долинах Керуана,
Вдруг вижу я, как Лермонтов меня
Касается; его мерцает рана
Под звездами — горячей и земной,
И кто-то в звездах плачет надо мной.

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТОЯЩАЯ КНИГА ОКОНЧЕНА ПЕЧАТАНИЕМ
ВОСЕМНАТЦАТОГО ЯНВАРЯ 1964 ГОДА

IMPRIMERIE BERESNIAK
20, RUE DU FAUBOURG DU TEMPLE
——— PARIS - XIe ———